

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НЕБО, СОЛНЦЕ, ЗВЁЗДЫ И ЛУНА В ЛИРИКЕ А.А.АХМАТОВОЙ (ОРИГИНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК)

© 2009 Е.С.Ботанова

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 06.06.2009

В данной статье предпринята попытка рассмотреть в рамках петербургского текста А.А.Ахматовой солярно-лунарно-астральные образы, запечатлённые в её ранней лирике, а также их своеобразие в переводах ахматовских стихотворений на английский язык; об этом ахматоведы ещё не писали.

Ключевые слова: переводы стихотворений А.А.Ахматовой, петербургский текст в лирике.

Права пермская исследовательница А.В.Пичкалева в том, что для темы «Петербургский текст» характерно «разнообразие ракурсов изучения образа Петербурга и петербургского пространства в литературе»¹. Заметим, что «душа Петербурга» (выражение Н.П.Анфищера²) – это не только его архитектура, мосты, сады и парки, но и не менее важное – белые ночи, петербургские небо, солнце, звёзды, луна. В поэзии А.А.Ахматовой солярно-лунарно-астральные образы входят неотъемлемой частью в её «петербургский текст», в его психологию, отражая ахматовское восприятие мира. Их употребление поэтом стилистически и эмоционально многогранны: антитечны (свет – тьма), как пейзажные зарисовки и как метафоры, но всегда они психологически значимы. В.М.Жирмунский отметил: «Всякое душевное состояние, всякое настроение в стихах Ахматовой обозначается соответствующим ему явлением внешнего мира»³. Эту связь деталей внешнего и внутреннего мира стараются уловить и отразить в переводах на английский язык Ирина Железнова (Irina Zheleznova), Ольга Шарце (Olga Shartse), Сергей Рой (Sergei Roy), Петер Темпест (Peter Tempest)⁴.

Луна⁵, месяц постоянно присутствуют в петербургском тексте Ахматовой среди других «небес-

ных» образов и появились среди них едва ли не первыми. Уже в цикле «Стихи о Петербурге» (1913) упомянут в петербургском контексте образ восходящего месяца: «...над Летним садом / Месяц розовый⁶ воскрес» (I, 162)⁷, важно, что все переживания героев стихотворений неразрывно связаны с Петербургом, обусловлены его аурой, лирические события вписаны в пространство города. В стихотворении «О тебе вспоминаю я редко...» (1913), относящемся к блоковскому циклу, мы видим характерное для поэтики Ахматовой перетекание биографического факта (в данном случае, встреча в Петербурге)⁸ в сугубо лирическую ситуацию: «незначительная встреча» стала не только «меткой», но и предчувствием новой «неизбежной встречи»:

Но я знаю, что горько волнуя
Твой пронизанный солнцем покой. (I, 163)

Образ солнца часто появляется в стихотворениях Ахматовой в связи с именем А.А.Блока, – и в прямом смысле (на небе солнце), и в переносном, как метафора (Блок – солнце поэзии). В стихотворении «Я пришла к поэту в гости» (1914), посвящённом Александру Блоку, есть интересный образ – «малиновое солнце» в полдень. Это был «единственный визит к Блоку, в дом на углу Офицерской улицы и набережной р. Пряжки, у морских ворот Невы, где из окна она видела предпортовую приморскую часть города с судостроительными верфями... Дым шёл не только от фабричных и заводских труб. Отопление в городе было преимущественно печное. Топили дровами, и из многочисленных труб шёл дым» (Вербловская И. Горькой любовью любимый: Петер-

⁰ Ботанова Елена Сергеевна, преподаватель кафедры филологии, гуманитарных наук и естествознания Международного института рынка.

E-mail: botanova_elena@mail.ru

¹ Пичкалёва А.В. Петербургский миф в лирике Г.Иванова // Проблемы филологии. – Пермь: 2003. – С. 110.

² Анфищеров Н.П. Душа Петербурга. – Пг.: 1922.

³ Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: 1977. – С. 116.

⁴ Ахматова А. Стихотворения на английском языке с параллельными русскими текстами. – М.: 1988. Далее при параллельном цитировании стихотворения А.Ахматовой и его перевода на английский язык страницы указываются в тексте по этому изданию.

⁵ Биограф Ахматовой П.Н.Лукницкий, ссылаясь на её собственные слова, пишет: «В детстве, лет до 13 – 14 А.А. была лунатичкой... спала в комнате, ярко освещённой луной... А потом луна стала на неё действовать». См.: Лукницкий П.Н. Асимiana: Встречи с Анной Ахматовой. – Т. 1. – Париж; М.: 1997. – С. 156.

⁶ Здесь и далее в цитатах из стихотворений Ахматовой и переводов курсив наш – Е.Б.

⁷ Здесь и далее в скобках указываются том и страницы по изданию: Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т., 9 кн. (Т. 7, 8 – дополнительные). – М.: 1998 – 2005. Курсивом указаны страницы комментариев Н.В.Королёвой в данном издании.

⁸ Стихотворение отражает впечатления Ахматовой от личного общения с Блоком. Известно, что 15 декабря 1913 г. она посетила Блока в его квартире на набережной реки Пряжки (I, 768), в стихотворении – «Красный дом твой над мутной рекой» (I, 163).

бург Анны Ахматовой. – СПб.: 2002). В морозный день топились все печи, дым из труб поднимался и

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.
И *малиновое солнце*
Над лохматым сизым дымом... (с. 64)

В переводе Ирины Железновой «малиновое солнце» дано как «The sun / Was a crimson ball», т.е. как *солнца малиновый шар*. Смысл в целом сохраняется, но переводчик добавляет отсутствующее у Ахматовой слово «шар». На наш взгляд, в переводе образ солнца становится грубее, буквальнее («солнца... шар») – и пропадает момент восприятия: нам виден на небе *диск* солнца (когда на него можно смотреть, как здесь, через застилающий его «сизый дым»), но никак не *шар* солнца. Кроме того, «малиновое солнце» у Ахматовой героиня стихотворения видит в «полдень», т.е. «лохматым сизым дымом» только приглушено сияние солнца (на него можно смотреть, оно приобрело малиновый оттенок, но при этом не стало чётко очерченным диском, как на последних минутах заката, например). Нарушена в переводе и структура стиха в строфе: слово «солнце» «ушло» в предыдущую строфу.

Мы придерживаемся существующей точки зрения, что и стихотворение Ахматовой «В последний раз мы встретились тогда...» (январь 1914) тоже относится к блоковскому циклу (I, 778). Оно пронизано петербургскими реалиями: набережная, Нева, царский дом (Зимний дворец), Петропавловская

Как я запомнила высокий царский дом
И Петропавловскую крепость! –
Затем что *воздух был совсем не наш*,
А как подарок божий – так чудесен. (с. 56)

Дословный перевод выделенных курсивом стихов: «И потому что воздух был не такой, как наш, / Он был так чудесен – дар божественный». Как видим, в переводе этих стихов сохраняются ахматовский текст и его структура. Но они нарушены в переводе двух предыдущих стихов, где даны важные в этом контексте петербургские реалии. В переводе «высокий царский дом» превратился в «высокий особняк царя» и переместился в другую строку; слово «Петропавловская» исчезло вовсе, осталось только слово «крепость» (the Fortress), и переводчику пришлось давать к нему примечание, поясняя, что за крепость. Перемещение «царского дома» (имеется в виду Зимний дворец) и Петропавловской крепости в одну стихотворную строку (в одну линию!) нарушает зрительное восприятие этих зданий: в реальности они находятся друг против друга, по разным сторонам Невы. Ахматовская героиня их так и «запомнила», а в стихотворении они поставлены в разные

застилал солнце, так что оно в этом дымном тумане действительно могло иметь малиновый цвет.

When I came to see the poet
It was noon. The day was Sunday.
Large the room was, large and quiet;
In the street reigned frost... The sun
Was a crimson ball. Beneath it
Shaggy, dove-grey smoke went drifting... (p. 65)

крепость – всё оваяно Петербургом. Именно эти реалии, «память места» организуют ауру петербургского текста в стихотворении «В последний раз мы встретились тогда». «Наводнение в городе» становится художественной деталью – чувства переполняют, наводняют лирическую героиню, её воспоминания полны петербургским предметным миром, «отметинами» северной столицы. «Содержанием» ее лирического сознания являются образы окружающей реальности, а *содержанием* мира – *самообнаружение* вещей в потоке их восприятия. Она сосредоточивает свое внимание не на эмоциональной рефлексии, а на восприятии сознанием окружающего мира», – справедливо считает Л.Г.Кихней (*Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой: Тайны ремесла.* – М.: 1997 // <http://www.akhmatova.org/bio/kihney/kihney01.htm> (дата обращения 15.07.2008). Мы согласны с исследователем. Самоценность «всех сторон мира» в лирике Ахматовой отметил ещё Н.Гумилёв (*Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии.* – М.: 1990. – С. 182). Образов, связанных с небом, здесь нет, но есть очень близкий к ним образ петербургского *воздуха*:

My memory of the view is so poignantly moving –
The tsar's lofty mansion, the Fortress across...
And because the air was not like ours,
It was so wonderful – a gift divine (p. 57)

строки, действительно друг против друга. Этот нюанс совершенно исчез в переводе.

Образ солнца дважды встречается в стихотворении, написанном в день похорон А.Блока («А Смоленская нынче именинница...» (1921): «От *сиянья солнечного* замерло» «кладбище – роща соловьиная», «Принесли мы Смоленской Заступнице... <...> На руках во гробе серебряном / *Наше солнце*, в муке погасшее, / Александра, лебеда чистого» (I, 363).

Петербург постоянно присутствует в сознании и стихотворениях Ахматовой, даже когда в тексте отсутствует номинативное обозначение петербургского топоса. Так, в стихотворении «*Уединение*» (1914, Слепнёво) есть строки, которые никак не могут иметь отношения к реальному географическому пространству, в котором в данный момент находилась Ахматова (Слепнёво – в Тверской губернии), а связаны именно с Петербургом:

Отсюда раньше вижу я зарю,
Здесь *солнца* луч последний торжествует.

И часто в окна комнаты моей
Влетают ветры северных морей... (I, 183).

Обратим внимание: не просто северный ветер (это и в Тверской губернии обычное явление), а именно «ветры северных морей» – уже петербургский образ. «Заря», «солнца луч» прочитываются в контексте стихотворения не только в прямом своём значении, как природные явления, но и как метафоры, связанные с творчеством: недаром в финале стихотворения появляется образ Музы (в этом контексте и заглавие получает дополнительный и очень важный смысловой оттенок – творческое уединение).

Поэтическое пространство стихотворения «Побег» (1914) обрисовано только двумя красками – чёрная и белая, тьма и свет. «Мимо белых колонн Сената / Туда, где темно, темно» (I, 185), «Горло тесно ужасом сжато, / Нас в потёмках принял челнок...» (I, 185), «...чёрное небо светало» (I, 186), «...на палубе белой яхты / Встретить свет нетленно-го дня» (I, 186).

Стихотворения «Был блаженной моей колыбелью...», «Июль 1914», написанные в канун и в самом начале Первой мировой войны, несут в себе (прежде всего, в эпитетах, которыми Ахматова характеризует Петербург) ощущение тревожности, оно пронизывает весь ахматовский петербургский текст. В связи с этим Ирэна Вербловская пишет об Ахматовой: «Она остро чувствовала какое-то неблагополучие в атмосфере города, может быть даже его обреченность. Поэтому город был «горькой любовью любимый». Во всяком случае, она всегда ощущала исключительность этого особенного, «задуманного» города»⁹. Тревожен здесь и образ солнца, превратившегося из божьей благодати в «немилость Божью»: в засушливое лето 1914 г. («Дождик с Пасхи полей не кропил», I, 198) горели торфяные болота, гарь доносилась по Петербургу; как всегда, природные катаклизмы сопровождалась социальными пророчествами:

Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:
«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил,
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил...» (I, 198)

Ахматовское пророчество потрясает ещё больше, если обратить внимание на дату написания стихотворения: «11 июля – 20 июля 1914»; 19 июля началась война. Мотивы умирания, близости смерти, сон как метафора смерти («Ах! под небом северным шёлковым / Так легко, так прохладно спать», I, 192) у молодой Ахматовой связаны вовсе не с декадент-

ской модой (что критика нередко видела в её стихах), а с её болезнью – перенесённым в юности туберкулёзом.

Ю.В.Шевчук отмечает, что «после 1914 и 1917 годов в лирике А.Ахматовой усиливается противопоставление двух «жизней» – страшной в городе («Петроград, 1919», 1920 и др.), и сильной, здоровой за его пределами («Приду туда, и отлетит томлень...», 1916 и др.)»¹⁰. Действительно, лирической героине оказывается ближе «город беды», который поэт характеризует эпитетами «горький», «безрассудный», «мрачный», «бессолнечный» – и, как всегда это бывает у Ахматовой, именно этот город является не только городом беды, но и славы, при этом опять характерный набор эпитетов к слову «город» – «...пышный / Гранитный...» (I, 238). Это стихотворение явно перекликается со стихотворением «Я научилась просто жить»: первая же строка «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» почти прозаически звучит: «Там с девушкой через забор сосед / Под вечер говорит, и слышат только пчелы / Нежнейшую из всех бесед». Но если в том стихотворении лирическая героиня испытывает некое одномоментное и постоянное чувство, то здесь достаточно резкий переход от этой простоты, теплоты, света, прозрачности к тому состоянию, как живут «мы», куда причисляет себя и лирическая героиня: «А мы живём торжественно и трудно...»: обряды, горькие встречи, «ветер безрассудный». Но этот коллективный лирический герой «мы», понимая всю сложность и трудность жизни в городе, тем не менее, утверждает: «Но ни на что не променяем пышный / Гранитный город славы и беды... / Бессолнечные, мрачные сады / И голос Музы еле слышный» (I, 238). Достаточно сложен у этого стихотворения пространственно-временной рисунок: и «город», и «где-то». В петербургском тексте Ахматовой пространство часто разламывается на «где-то» и «здесь». «Что сталося с нашей столицей, / Кто солнце на землю низвёл?» (I, 248). «В городе райского ключаря <...> Майские зори красны и желты», «жаркое солнце» (I, 287), «беззвездный... покров темноты», «и небеса бледны» (I, 299). Вся структура стихотворения «Петроград, 1919» (1920) подчинена главной задаче поэта – раскрытию содержания, смысла стихотворения, одновременно конкретного и философски глубокого, вселенски обобщённого.

⁹ Вербловская И. Горькой любовью любимый: Петербург Анны Ахматовой. – СПб.: 2002 // http://www.akhatova.org/bio/iv_01.htm (дата обращения 18.08.2008)

¹⁰ Шевчук Ю.В. Трагическое в лирике А.Ахматовой: Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: 2004. – С. 46.

И мы забыли навсегда,
Заключены в столице дикой,
Озера, степи, города
И зори родины великой. с. 112

История и жизнь раскололись на прошлое и настоящее, причём это настоящее страшное – заключение (тюремный мотив) в «столице дикое» (инверсия ещё более усиливает несообразность происходящего). Перевод этого фрагмента (Сергей Рой), на наш взгляд, крайне неудачен, вот что получилось: «Запертые в дикой столице, / Мы забыли закаты и / Рассветы, города, степи и всё / Великолепие нашей родины». Емкий ахматовский образ «зори родины великой» (последний стих строфы) в переводе занял три строки, причём перевод, что называется, *не о том* – вместо «родины великой» стало «всё великолепие нашей родины»; но *великий* и *великолепный* – по смыслу *разные* слова. «Зори» превратились в «закаты и рассветы» (как будто бы адекватная замена: *зори* – это действительно *закаты* и *рассветы*), но исчезли ахматовская звукопись и, опять таки, ахматовское восприятие единства родины (звукопись и подчёркивает это единство): «*озёра... города и зори родины*».

Лирического героя стихотворения «Петроград, 1919», конечно, тревожит и тяготит «кровавый круг» (сразу возникает ассоциация с кругами ада Данте), причём это в бесконечном временном пространстве – «и день, и ночь». Употребляя неологизм «доли□т» (от «доля» – «участь, судьба», но и «часть целого»), Ахматова подчёркивает общность судьбы города-дома и лирического героя («мы»), одолеваемого «жестоккой истомой». Здесь принципиально значимо многоточие – некая остановка в стихотворном излиянии, необходимая пауза. Поэт настаивает на том, чтобы реципиент остановился в чтении, в восприятии текста. Да ещё после какого слова – «истомы», обозначающего чувство усталости, утомления, бессилия. А далее печальная констатация участи, судьбины всех тех петербуржцев, кто остался дома – «никто нам не хотел помочь». Рифма, как и всё у Ахматовой, почти символична: «помочь» – «ночь». Ночью тяжелее, страшнее, ночь давит, а помощи нет.

В английском переводе этого стихотворения в основном оставлены идентичными такие нейтральные слова, как степи, города, родина, дома, дворцы. И здесь культура перевода достаточно высока. В английском переводе есть определённая близость звучания и смысла «память» (memory) и «памятник» (monument). Однако надо отметить неточность перевода двух последних стихотворных строк: «Но нам священный град Петра / Невольным памятником будет» (I, 348) эпитет «священный» заменён на «великое детище» (great brainchild) «царя Петра», а «невольный» – на «тихий» (silent). Для Ахматовой «град Петра» «священный» (Санкт-Петербург – город святого Петра), да ещё с эпитетом к памятнику

Locked in this savage capital,
We have forgot the sunsets and
The dawns, the towns, the steppes and all
The grandeur of our native land. с. 113

«нам» – *невольный*: «нам ... невольным памятником будет». Перевод, на наш взгляд, не передаёт этих важных нюансов, хотя переводчик пытается сохранить ритм, настроение, ему понятны ахматовские особенности стиха. Петроград 1919 года «живёт» и в переводе, что, в общем-то, очень существенно и значимо.

В.Н.Топоров обратил внимание на то, как чутко и тонко М.Кузмин ещё в ранней Ахматовой уловил и понял доминанту её творчества: «Поэты же особенно должны иметь острую память любви и широко открытые глаза на весь милый, радостный и горестный мир... И воспоминания... набегают друг на друга: то давно забытые глаза, то *облако на весеннем небе*»¹¹ (выделено нами – Е.Б.). Об остроте восприятия, об обострённом чувстве у Ахматовой и кроме М.Кузмина писали, по существу, все ахматоведы, одним из последних, В.Н.Топоров, отмечая у Ахматовой «острейшую подлинность чувства»¹². Солярно-лунарно-астральные образы в ранней лирике А.Ахматовой – тому подтверждение. И важна в ахматовских лирических произведениях не просто точность этих образов, не только выраженная в них подлинность чувств, но и неразрывная связь с петербургским текстом Ахматовой. Небо, облака, звёзды, луна, солнце интересны и значимы для Ахматовой и её лирического героя именно потому, что они *петербургские*. К сожалению, в английских переводах этот ахматовский петербургский текст нередко искажается или вовсе утрачивается, особенно когда он присутствует в стихах Ахматовой незримо, между строк, возникает в ассоциациях, неуловимых для перевода оттенках значений слов.

¹² Там же.

¹¹ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. – СПб.: 2003. – С. 272.

**THE PETERSBURG SKY, THE SUN, STARS AND THE MOON
IN A.A.AHMATOVA'S LYRICS (THE ORIGINAL TEXT AND TRANSLATION
INTO ENGLISH LANGUAGE)**

© 2009 E.S.Botanova^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article is an attempt to analyze solar-lunar-astral images in the early Petersburg lyrics of A.A.Ahmatova. It also deals with the images' English translation originality that has not been touched upon before.

Keywords: A.A.Ahmatova's poems translations, the Petersburg text in lyrics.

^o *Botanova Elena Sergeevna, Teacher of Philosophy
and natural sciences department
International Market Institute.
E-mail: botanova_elena@mail.ru*